

21 АПР 1987

ВЕЧЕРНЯЯ АЛМА-АТА *а*

Г. М. Маркову — 70 лет

# Наш Георгий Мокеевич

Помню год окончания литературного института. Была уже семья. И были неизбежные для каждого в моем положении материальные затруднения. А еще — заветное желание работать над «Кровью и потом», идея, согревавшая еще в студенческие годы. Но для этого надобно было основательно порыться в архивах ряда городов. И помню, как робко входил я в кабинет одного из тогдашних секретарей правления Союза писателей СССР Георгия Маркова. По слухам я знал, что он недавно приехал из Сибири. Был он уже автором «Строговых» и «Соли земли» — романов, получивших уже тогда широкую известность. Все до мелочи помню, будто пережито было мною не четверть века тому назад, а вчера. Я сидел перед ним и не знал, с чего и как начать, подбирая будто самые неотразимые слова, чтобы убедительнее выразить затруднявшее меня обстоятельство.

Много воды утекло с тех пор. Тот, кто принимал тогда меня, ныне встречает свое семиде-

сятилетие, обремененный славой, любовью и вниманием многоязыких поклонников своего таланта. И сегодня пишу я эти строки о писателе Георгии Маркове, лауреате Ленинской премии, Герое Социалистического Труда, признанном руководителе крупнейшей в мире писательской организации и еще об одном из самых авторитетных современных общественных деятелей. Но все эти годы, даже и в эти дни всеобщего рукоплескания, не скрою, стоит неотступно перед моим мысленным взором все тот Георгий Марков, молодой, красивый, который сразу покорила меня, едва переступил я порог, своей необыкновенной мягкостью и каким-то врожденным тактом и редкой своей добротой и внимательностью. Все в нем располагало к нему с первой же минуты, словно приглашало к взаимной доверительности, и в самом деле, я и не заметил, как исчезла охватившая скованность. К радости моей, он понимал, как говорится, с полуслова мое положение, и без излишних во-

локит предоставил мне так нужную творческую командировку. И сейчас я думаю, что было это вроде благословения молотом тогда писателю, которому предстояла впереди долгая и трудная работа над книгой. И Георгий Мокеевич пожелал мне на прощание своим, поразительно не изменившимся в течение всех последующих лет по-марковски доверительным мягким голосом успеха в творчестве. Во всем облике этого в высшей мере корректного и культурного человека было что-то поразительно несоответствующее, чуть ли не с детских лет сложившемуся в моем воображении понятию о непременно суровой, даже угрюмой сибирской природе. Но это с первого взгляда. Потом стоило лишь повнимательнее всмотреться в него, в повседневной сутолоке творческого союза, в решении самых разных вопросов, и вы тогда непременно обнаруживали в нем широту его изначально крупноскроенной натуры. И эта эпическая широта и монументальность, быть может, унаследованные

от необъятной шири родного края, где все по-былинному могуче и дремуче, унаследованные от предков, смелых и сильных, и вообще от великой души мужественных племен сибиряков, безусловно, способствовали формированию мировоззрения большого художника, его отношения к жизни, к общественным явлениям, к социальному строю, к своеобразию взгляда на извечную борьбу двух непримиримо враждующих начал — добра и зла, в сущности к тому, из чего складывается потом позиция самого писателя. Марков решительно принадлежит к числу тех писателей, что твердо придерживаются коммунистического идеала, его высшего гуманистического принципа. Вот потому его талант, его ум и совесть находятся в столь органической связи с подлинно партийным взглядом на действительность и гармонически сливаются с высшими идеалами со всеми духовными потребностями нашей эпохи. В течение полувековой творческой деятельно-

сти Георгию Маркову всегда помогало такое неперенное условие, как острое социальное чутье писателя безошибочно разбираться в самых что ни на есть сложных жизненных ситуациях. И сегодня наша критическая мысль единомысленно ясна в признании четкости позиции, твердости принципа, возвышенной ясности таланта писателя. Если основную и принципиальную особенность писательского дарования Георгия Маркова попытаться сформулировать вкратце, то следует подчеркнуть прежде всего безусловную широкоохватность и масштабность в показе народной жизни Сибири. Непреходящая заслуга писателя заключается также и в том, что в своем обширном творчестве он сумел объять весь долгий исторический путь, путь по времени, равный дистанции одного века, в течение которого подспудно накапливалась, зрела огромная сила, именуемая народным гневом, сила, таящаяся в недрах некогда дремавшего великана. Долго и упорно осваивали сибиряне этот

огромный, превосходящий даже иные материки, загадочный край. Ведь было такое время, когда само понятие о нем лежало на совести не иначе как постыдным укором, и в контексте русской классической литературы слово Сибирь звучало кандалным звоном. И в художественно осмысленной, сформированной в напряженной борьбе с превратностями суровых природных условий, многовековом нравственном опыте, неповторимом жизненном укладе, наконец, духовной мощи обитателей этого края следует отдать должное Георгию Маркову. Его заслуга — целое открытие. И «Строгови», и «Соль земли», и «Отец и сын», и «Сибирь», и каждый по отдельности и в целом все вместе, представляющую собой грандиозную Сагу о пробуждении народа, о его многотрудной борьбе, и в этой неутихающей борьбе, долгой и тяжелой, переходившей от отца к сыну, от поколения к поколению, таилась огромная жизнеутверждающая сила. Бурный неотвратимый процесс раскрепощения сил народа, и его выплеснувшиеся наконец наружу революционные страсти, всестороннее проявление его созидательного гения, сама подкупающая загадочная природа красоты его характера, придающего нашему сложнейшему бытию особую надежность и духовную прочность, искали своего выражения. И в подтверждение неистощимости поистине титанической мощи русского народа как одной из первых мы назовем плоть от плоти, кровь от крови этого народа — правдивое творчество Георгия Маркова.

И в эти дни, когда отмечается семидесятилетие Георгия Мокеевича Маркова, уместно ради объективности подчеркнуть, что в нынешнем монолитном единстве армии литераторов немалая заслуга принадлежит таланту и личности этого большого русского писателя, вобравшего в себя подлинную народность, высокую интеллигентность, глубокий патриотизм и неподдельный интернационализм, взыскательность и доброжелательность. Многомиллионный советский читатель и многотысячный отряд советских литераторов говорят ныне о нем «наш Георгий Мокеевич», вкладывая в это искреннюю любовь и низкий поклон его безкорыстной службе литературе, духовному единению наших народов и нашего общества.

Абдужамил  
НУРПИСОВ,  
писатель.